

Янь Юй направлялся на императорскую кухню, когда навстречу ему вышел человек в расшитом темными узорами пурпурном парчовом халате. На голове у него красовалась пурпурно-золотая корона, а весь облик дышал благородством. Мужчина держался прямо, и его взгляд, полный легкой усмешки, скользнул по Янь Юю — казалось, он был невесомым, но в то же время пронзительным и насмешливым, словно видел человека насквозь.

Янь Юй не понял смысла этого взгляда, лишь слегка поджал губы и одарил незнакомца дружелюбной, послушной улыбкой.

Будучи местом, где готовилась еда для всей дворцовой челяди, императорская кухня занимала огромную площадь. Ее убранство поражало размахом, кухонная утварь была изготовлена из лучших материалов, а число одних только поваров превышало тысячу человек. Сейчас наступил полдень, завтраки во всех дворцах уже закончились, и лишь подсобные рабочие сустились, наводя порядок, да часть поваров начинала подготовку продуктов к обеду. Все вокруг было погружено в четкий, отлаженный ритм.

Едва Янь Юй переступил порог, как замер, ошеломленный открывшимся масштабом, и тут же позади него раздался пронзительный окрик:

— Ты кто такой!

Янь Юй вздрогнул и обернулся, недоуменно хлопая глазами. Евнух, чье лицо исказила гримаса ярости, при виде яркого, завораживающего лица Янь Юя замер, а затем в его глазах вспыхнуло еще большее отвращение.

— Императорская кухня — место запретное, разве таким, как ты, позволено сюда соваться?!

— Я... — Янь Юй открыл рот, пытаясь объяснить. — Я просто пришел ради Его Величества...

— Ради Его Величества? — Евнух издал насмешливый звук, его высоко поднятые брови выражали крайнюю степень наглости. — Врешь, даже не потрудившись взглянуть в зеркало на свою рожу! Такая дрянь смеет упоминать Его Величество? Похоже, сегодня мне придется проучить тебя, наглого ничтожество, не знающего границ!

Евнух замахнулся, и его ладонь уже была готова обрушиться на нежную, прекрасную щеку Янь Юя, как вдруг сзади возникла мощная сила притяжения. Тело евнуха резко дернулось назад, его хилая фигура с силой ударилась о стену, и он выплюнул сгусток крови.

— Смелый наглец, раз решил поднять руку на того, кто мне дорог! — Громовой голос пронесся по помещению.

Прислужники и евнухи, стоявшие поодаль в ожидании зрелища, в ужасе расширили глаза. Никто не ожидал, что здесь появится Цзян Тяньхэн. Их колени подкосились, и вся толпа

повалилась на пол, дрожа, словно осиновые листья на ветру.

Кому было не знать, что Цзян Тяньхэн жесток и своенравен? Обычного недовольства хватало, чтобы во дворце полетели головы, а уж теперь, когда император пришел в такую ярость, их жизни висели на волоске.

— Юэ Дунсин, уведи этих псов! Выколоти им глаза, отрезать уши и бросить в яму для трупов!

— Ваше Величество! — Прежде чем Юэ Дунсин успел откликнуться, раздался звонкий голос Янь Юя. Он быстро подошел к Цзян Тяньхэну и с тревогой посмотрел на него. — Ваше Величество, зачем же так поступать?

Янь Юй вовсе не пытался добиться справедливости для кого-то, просто представил, как нестерпимо больно было бы ему самому, случись с ним подобное.

При взгляде на Янь Юя выражение лица Цзян Тяньхэна смягчилось. Он притянул юношу к себе, бережно обхватив его тонкую талию.

— У этих рабов есть глаза, но они слепы, есть уши, но они глухи, да к тому же посмели проявить дерзость к моему Юю. Зачем оставлять их в живых?

— Но... но я ведь не пострадал.

Цзян Тяньхэн ухватил его за нежный подбородок своими крепкими пальцами, прищулив глаза:

— Одно лишь то, что они посмели обсуждать тебя и смотреть на тебя, уже является оскорблением.

— Я...

— Довольно!

Цзян Тяньхэн взмахнул широким рукавом, его взгляд стал ледяным.

— Увести этих псов! Если хоть кто-то из них посмеет издать хоть звук — вырвать язык!

— Слушаюсь! — Юэ Дунсин, вспоминая события сегодняшнего утра, полагал, что на этот раз император проявит снисходительность ради Янь Юя, но теперь стало ясно — это не так.